

**Лингвистический механизм убеждения:
семантико-идеологическая дискредитация
социального понятия в тексте
(на материале романа Н.С. Лескова «На ножжах»)**

**The linguistic mechanism of persuasion:
semantic and ideological discredit of a social concept
in the text (based on the material of N. S. Leskov's novel
"On the Knives")**

Соколов А.Н.

Канд. филол. наук, доцент, Заведующий кафедрой русского языка и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
e-mail: adelunga10f@yandex.ru

Sokolov A.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Teaching Methodology, Shuya Branch of the Ivanovo State University
e-mail: adelunga10f@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализированы возможности лингвистического механизма утверждения по материалам романа Н.С. Лескова «На ножжах». В качестве одной из задач текста выявлена мировоззренческая позиция, внушение которой внутри самого текстового пространства проводится разными способами.

Ключевые слова: художественный текст, семантико-идеологическая дискредитация социального понятия в тексте, шарж, языковые средства.

Abstract

The article analyzes the possibilities of the linguistic approval mechanism based on the materials of the novel by N.S. Leskova "On the Knives". As one of the tasks of the text, a worldview position has been identified, the suggestion of which within the text space itself is carried out in different ways.

Keywords: literary text, semantic-ideological discredit of the social concept in the text, cartoon, language means.

Одной из задач художественных текстов, направленных на выражение мировоззренческих позиций, является семантико-идеологическая характеристика определенной группы социальных понятий и соответственных слов. Внушение авторской концепции читателю внутри самого текстового пространства проводится разными способами.

Основные из них – содержательные сдвиги значений, оценочность, поведенческие и психологические (чувства) характеристики отдельных персонажей, морально-этические оппозиции, символика, информация событийного фона, открытое морализаторство автора. Большинство из этих компонентов могут функционировать в особой системе смысловых отношений текста: понятие – персонаж (образ).

Социальный термин уже по сути своей психологически агрессивен, ибо самим собой задает конкретно оформленную идеологию. Отсюда знак наиболее активно воздействует на сознание читателя, слушателя. Социальное понятие в своем основном значении несет общепринятую и понятную информацию и задает конкретную характеристику человеку или персонажу в тексте. Воспринимая звуковой или буквенный комплекс «нигилист» (нацист, либерал, консерватор и т.п.) применительно к реальному человеку или персонажу, носитель массового сознания становится уже вполне осведомленным о его взглядах и нравственных устоях. В этом и заключается психологическая агрессивность социального понятия, его семантический диктат.

В условиях вражды идеологий ведется борьба за слово, за выгодное его значение (в этом исток идеологической дифференциации и идеологической оценочности). Содержание конкретного социального знака «нигилизм» (и слов его группы) и явилось объектом «идеологической акции» автора «На ножах» с целью внушения читателю взгляда определенной общественной группы на явление, стоящее за этим понятием.

Следует опять-таки подчеркнуть, что антинигилизм – не единственная ипостась романа. В нём, например, повествуется и об эпохе начального капитализма, о «безобразном разгаре всеобщей страсти к быстрой наживе» («На ножах», с. 276 – *далее по тексту при цитировании будут указываться только страницы из романа*). Современный исследователь А. Шелаева справедливо замечает, что «в фокусе лесковского романа оказываются бывшие нигилисты, вышедшие из политической борьбы, но пытающиеся оставить за собой право на иные нравственные нормы, на особое общественное положение» [4, с. 11].

Многое уже сказано о шаржированности образов нигилистов в романе. Даже сам Ф.М. Достоевский так отзывался о произведении: «Много вранья, много чёрт знает чего, точно на Луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества». Главное в данном исследовании – выявление механизма текстового конструирования, который работает на дискредитацию социально-политического знака «нигилизм», на его детерминологизацию.

Можно утверждать, что ввиду тяготения к консервативным, «охранительным» политическим взглядам Н.С. Лесков пытался наполнить негативным содержанием понятие «нигилизм», выбранное здесь в качестве предмета исследования. Но именно конкретное слово в тексте (здесь «нигилизм»), его взаимосвязи, семантические подвижки создают реальную философию авторского видения, авторскую позицию.

Представленная проблема дискредитации будет рассматриваться в двух направлениях:

1) социальное понятие и персонаж (предметные сдвиги значения, оценочность, поведенческие характеристики и т.п.);

2) социальное понятие и символ:

а) нож;

б) красный цвет.

Эти направления исследования пересекаются. Выделенные понятие, персонаж и символы в структуре текста взаимосвязаны.

Социальное понятие / знак и персонаж (образ)

Не всегда основное, «дотекстовое» значение слова / знака соответствует содержанию соотносимого с ним персонажа. В художественном тексте читатель сам раскрывает суть образа персонажа, за счет чего и происходят подвижки в семантике сопрягаемого с ним понятия и словообраза. В этом один из путей дискредитации (или, наоборот, «облагораживания») слова.

Конкретно внимание было сосредоточено на образе Павла Николаевича Горданова, лидера раскольников в стане «новых людей», который «отменил грубый нигилизм» и «провозгласил негилизм» («гиль» – чепуха (диалектн.)) и «указал на несомненные преимущества борьбы с миром хитростью и лукавством» (с. 83-84). Старо-

верам же «объявили, что новая теория есть <дарвинизм>» и «борьба за существование» (с. 84-85). Последнее понятие уже осмысливается как социальное, а не как биологическое. Видно, что здесь происходит преобразование социального термина при опоре на другой термин.

Новые гордановские принципы – это принципы преобразования термина и понятия: устранение старых компонентов смысловой структуры слова «нигилизм» – вера, честь и т.п.

– «. . . борясь за существование, надо. . . не останавливаться ни перед чем. . . не только перед доносом, но. . . даже перед клеветой!» (с. 93);

– «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» (с. 84);

– «Не верьте ни во что, все, во что вы верили, - гиль» (с. 85);

– «Прежде всего и паче всего прочь всякий принцип, долой всякое убеждение. Оставьте все это глупым идеалистам "страдать за веру"» (с. 93).

В конечном счете, перед нами предстает логическая конверсия термина. Мы видим нигилизм в пике своего развития, видим худшее, к чему он может привести. Теперь о некоем как бы социалисте Кишенском, мошеннике, ростовщике и доносчике, хорошо разбогатевшем на своих делишках, можно сказать, что «он только борется за свое существование» (с. 85). То, что идеи староверов и раскольников суть одно и то же, автор, со свойственным ему юмором и сарказмом, показывает следующим образом: «Староверка Вансок держалась древнего нигилистического благочестия, хотела, чтобы общество было прежде всего уничтожено, а потом обобрано, между тем как Горданов проповедовал план совершенно противоположный, то есть чтобы прежде всего обобрать общество, а потом его уничтожить» (с. 84).

С образом Горданова и сопрягается понятие «нигилизм», образ является носителем данного понятия в тексте. Через образ персонажа и характеризуется «нигилизм».

Характеристики Горданова, данные им самим:

– живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывет в руки. Что вам далось это глупое слово «донос», все средства хороши, когда они ведут к цели. Волки не церемонятся (с. 90);

– . . . ужиться я по моему характеру могу решительно со всяким начальством, каких бы воззрений и систем оно ни держалось (с. 106);

– какой же ты после этого нигилист, если тебе совестно деньги брать (с. 38).

Личные интересы у Горданова стоят на первом плане. Политика становится лишь средством к их достижению: «... из бреда, которым были полны тем временем отуманенные головы, можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу» (с. 83). Планы у Горданова глобальные: устроить социальный бунт, погубить в нем Бодростина, завладеть его состоянием, а затем, вложив эти деньги в махинацию с правительственными лотереями, сколотить «громадное состояние в несколько десятков миллионов» и «уйти в Швейцарию» (см. с. 106, 372, 450).

Как узнается по ходу действия, Горданов для своих целей не останавливается и перед убийством – отравлен, как вероятный наследник, Кюлевейн, племянник Бодростина, убит лично Гордановым сам Бодростин. В совокупности перед читателем встает довольно зловещая фигура этого реформатора нигилизма.

В данном случае наблюдается тот факт, когда изначальное содержание термина, понятия («социально-политическое учение») не соответствует семантике соотносимого с ним персонажа в тексте. Нигилизм во 2-й половине XIX в. выступал синонимом революционного движения (и нигилизм, и социализм, и коммунизм по словарям того времени – «учения»). Горданов же – явно оскорбление образа благородного революционера (ср.: «Андрей Кожухов» С. Степняка-Кравчинского). Здесь опять-таки работает закон идеологической дифференциации слова и идеологической оценочности. Наш великий лексикограф В. Даль, близкий «охранительным» кругам, писал: «Нигилизм – безобразное

и безнравственное учение, отвергающее все, чего нельзя ощупать». Это определение уже ближе семантике образа Горданова. В языковом обиходе слово «нигилист» постепенно перешло в разряд бранной лексики в сфере консервативных кругов.

Таким путем персонаж, образ накладывает негативный отпечаток на понятие, на термин. Смысловые линии, поведенческие и чувственные характеристики, наполненные негативной оценочностью, соединяют понятие «нигилизм» и образ Горданова. Главное здесь то, что данный персонаж действует в рамках нигилизма и именно так воспринимается читателем. Оказывается, руководствуясь методами и идеями этого учения, проще всего творить именно зло, а не стремиться к счастью человечества. Зло – главная тема, волнующая писателя, что наиболее ярко отражено в системе символов текста.

Социально-политический знак и символ

Итак, через посредство персонажа социальный термин приобретает эмоциональность и многозначность; в этом – одно из проявлений его семантической открытости, способности к динамике. Включение слова в систему символов текста значительно углубляет этот процесс.

Конкретному анализу подверглись те символы, которые напрямую соотносятся с темой нигилизма и авторской концепцией. Один из них занимает ведущее место уже потому, что вынесен в заглавие целого произведения – нож.

Текст с самого начала активно насыщается этим понятием, что становится одним из способов его символизации. Один только главный фразеологизм этого романа – «на ножах» – встречается в тексте 14 раз в значении «быть в смертельной вражде». Ср. : «<. . . > теперь нет союзов, а все на ножах» (с. 271); «<. . . > у нас теперь думают, что прежде всего надо стать с кем-нибудь на ножи, а дело уже потом» (с. 137); «<. . . > все у нас в Петербурге связано враждой друг к другу. Здесь <. . . > все на ножах» (с. 320); «Все они здесь на ножах, и в ложке готовы потопить друг друга» (с. 316) (последний пример взят известным лексикографом того времени А.Д. Михельсоном в свой словарь).

В подобных случаях наблюдается переносное употребление понятия «нож». С ними сопоставимы следующие текстовые употребления: «с ножом к горлу» (с. 119), «положение особое, ножевое» (с. 300). Все это в совокупности составляет словесную «паутину» в тексте, подполье основного смысла. Именно это подполье чрезвычайно важно в системе идеологического воздействия на читателя. Так, исследователь Л.Г. Кайда пишет: «Лингвистический механизм убеждения – это совокупность лингвистических сигналов, с помощью которых создается настрой читателя на выработку конструктивных решений» [1, с. 11]. Описанные словоупотребления являются подобного рода сигналами.

Эффективным воздействием на сознание читателя становится прямая семантизация. Происходит актуализация истинного значения слова «нож». Во-первых, «нож» как обозначение конкретного предмета активно фигурирует в тексте и становится своего рода его знаком. Уже в его начале перед читателем предстает нигилист Иосаф Висленев, винтик в махинациях Горданова, Бодростиной и Кишенского, пытающийся ножом вскрыть чемодан Горданова; в испуге Висленев выбрасывает нож в окно, но тот утром таинственным образом оказывается на подоконнике. Мистические явления с ножом на этом не заканчиваются. Знаменательно видение Бодростиной в парке во время прогулки. Она видит своего мужа, Бодростина, находившегося в это время в столице, в мундире, который был «со спины распорот». Это вновь сигнал, намек на нож, которым Бодростин будет убит. Таким образом, происходит акцентирование внимания читателя на теме ножа. И не случайно эта тема в тексте пересекается с темой Горданова. Горданов постоянно носит хлыст со стилетом в рукоятке. Именно этим оружием он и нанесет смертельную рану Бодростину. Уже после другим ножом Горданов пытался изменить форму трехгранной раны на трупе от стилета и оцарапал руку, отчего у него началась гангрена и он умер. Таким образом, в сознании читателя выстраивается четкий

ассоциативный ряд: нигилизм >Горданов> преступление (убийство, смерть). Отсюда с понятием и словом «нигилизм» соотносится ощущение опасности. Функционально оно в композиции произведения ставится на сторону зла, и уже весь этот смысл через романную форму заносится в коллективный опыт массового сознания.

Сам образ ножа активно воздействует на психику читателя (инстинкт самосохранения). Именно на это направлена актуализация прямого значения слова «нож» во фразеологизме «быть на ножах». Автор несколько раз пользуется этим приемом:

– Иосаф Висленев, говоря о «своих», о новой породе, вышедшей из нигилистов, заявляет: «Все этак друг с другом . . . на ножах, и во всем без удержа . . . разойдемся и в конце друг друга перережем, что ли?» (с. 298).

Контекстуальное сближение разных частей речи «на ножах» и «перережем» актуализирует прямые значения этих семантических комплексов. В том же духе выдержан и следующий контекст:

– «<. . . > нелегко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи этак на ножах, которыми кому-то все путное в ключья хочется порезать; но одно только покуда во всем этом ясно: все это пролог чего-то большого, что неотразимо должно наступить» (с. 457). Как этот контекст, так и все произведение пронизывает чувство опасности, связанное с идеей нигилизма, выражающееся в соответственной лексике. Чувство опасности становится семантической пометой этого понятия. Ведущая роль в этом принадлежит символу «нож». Конечную точку в идеологической идентификации этого символа (связь с «нигилизмом») ставит финал романа: Иосаф Висленев на допросах по делу Бодростина «выставлял себя предтечей других сильнейших и грозных новаторов, которые, воспитываясь на ножах, скоро придут с ножами же водворить свою новую вселенскую правду» (с. 445).

Итак, определенные смысловые подвижки активно внедряются в содержание термина «нигилизм» (опасность, преступление) через конкретный персонаж (Горданов – нигилист и первый преступник и убийца в романе) и символ (нож). Но представленная цепочка связей не будет полной, если забыть о такой текстовой характеристике, как цвет.

Цветовая характеристика.

Ведущий и подавляющий цвет, используемый в текстовой структуре романа, – красный. Текст просто насыщен им.

Можно сказать, автор не особенно притязателен в символике в данном случае. Но свои определенные психологические цели это преследует. Цвет крови, цвет опасности, агрессии – древнейшая характеристика красного цвета. К тому времени к нему прибавилась и другая – цвет бунта и революции.

В тексте идет постоянное, до мелочей, указание на красный цвет. Герои романа при всяком случае краснеют (от стыда, гнева и т.п.). Подтверждений этому можно найти десятки. Иногда это может показаться авторской безвкусицей. Только единственный раз описание реакции иное: персонаж от злости «позеленел» (с. 403). Все это составляет такую же малозначимую на первый взгляд словесную, семантическую «паутину». Читатель по ходу текста привыкает к «красному» его восприятию.

Красный цвет постоянно появляется перед читателем в момент важных сюжетных поворотов. Утро перед дуэлью Горданова и Подозерова «ветренное и красное» (с. 206); летят «красные искры из трубы локомотива» (с. 303), когда Висленев и Бодростина возвращаются из-за границы в Петербург с последними планами действий; мелькает «красный флаг заднего вагона» поезда, в котором уезжает за границу Лариса с Гордановым, совершая прискорбное преступление двоемужества (с. 368); «красный огонь» обогревает заблудшую Ларису в грязной и мрачной комнатке в Молдавии, когда к ней приехал Горданов, ее совратитель и губитель (с. 372); «красноватый оттенок заходящего Солнца» ложится на лицо Бодростиной во время ее объяснения с Ропшиным, этим винтиком ее махинаций (с. 354).

Эти факты не столь концептуальны, но красный цвет в тексте становится некой меткой, лингвистическим сигналом трагических событий, к чему сознание читателя уже привыкает и что принимает безоговорочно. В этом контексте по-иному звучит фраза Горданова своему работодателю Кишенскому «мой долг будет красен платежом» (с. 281) для читателя, посвященного в планы этого реформатора нигилизма. Во сне Лариса видит гордановский «облик, который все разгорался и делался сначала медным, потом красно-огненным и жег ее» (с. 343). В семантике всего романа цветом опасности помечается этот персонаж.

Вообще в соответствии с темой «ножа» красный цвет весьма актуален в романе. Знак убийства и крови входит в содержание понятия «нигилизм» не только через образ Горданова, но и через другие персонажи, через весь «цветовой строй» текста.

С красным цветом связано очень много мистического в романе. Вот характерная сцена незадолго до убийства Михаила Андреевича Бодростина по плану его жены и Горданова с целью завладения огромным наследством: «В руке Глафиры был бокал с розовым шампанским, а в руке ее мужа – сложенный лист бумаги, подавая который Бодростин улыбался. Но в то самое мгновение, когда Глафира Васильевна с ласковой улыбкой сказала: "живи много лет, Michel", она поскользнулась, ее вино целиком выплеснулось на грудь Михаила Андреевича и, пенясь, потекло по гофрировке его рубашки, точно жидкая, старческая, пенящаяся кровь» (с. 403). Вновь намек на грядущую смерть Бодростина, как и его «распоротый» мундир. Темы «ножа» и «крови» соединяются в этом персонаже, жертве нигилистических злодеяний. Кстати, лист бумаги, который нес Бодростин, был дарственной записью, по которой он дарил жене все свое состояние и, значит, путь к его убийству был открыт. В ночь убийства в доме Бодростиных «вся зала была освещена через свой стеклянный купол ярко-пунцовым светом» (с. 388) от горячей фабрики, поджог которой входил в план преступления. Вообще у Бодростиных была специальная приемная «красная комната», которая всех присутствующих обливала своим светом.

Став символом романа, красный цвет становится и знаком нигилизма, зла как отправной точки философских размышлений автора. Таким образом, в динамике текста социально-политическое слово способно не только изменять свое значение, приобретать конкретную оценку, но и получать цветовую и психологическую характеристики (красное / кровь – чувство опасности).

Нигилизм – Горданов – нож – красное (кровь) – преступление – вот реальный ассоциативный ряд, возникающий в сознании читателя, если ориентироваться на конкретного персонажа. Известно, образ ножа и красный цвет (да еще в совокупности) очень агрессивно воздействует на подсознание, и автор нехитрым приемом добивается нужного эффекта воздействия. Выстраивается определенная цепочка трансляций смысла в тексте: автор > социальное понятие > персонаж > социальное понятие > читатель, с помощью которой и достигается необходимая дискредитация термина «нигилизм» (рассмотренные символы непосредственно соотносятся с конкретным персонажем).

Здесь следует вспомнить, что критика новых для XIX в. учений определенным кругом писателей велась с позиции христианской этики и символики. Многочисленны примеры демонизации персонажей в тексте. Достаточно упомянуть о постоянном сравнении «шайки» бывших нигилистов с темными силами. Часть 5-я так и называется – «Темные силы», о Горданове говорят – «это темный человек», снится он Ларисе в облике демона, Висленев признается: «<. . . > мы какие-то темные силы, из которых неведомо что выйдет» (с. 298). Красавицу Глафиру Бодростину постоянно выдает зловещий левый глаз. Печать зла неумолимо кладется автором на героев, орудующих методами абсолютного нигилизма.

В конечном счете, становится ясна функциональная цель автора, которая выражается в следующем: показывая то, что вышло из нигилизма, раскрыть и осудить его

внутреннюю сущность. Стремясь дискредитировать данный термин, автор соответственно этому производит отбор языковых средств.

Литература

1. *Кайда Л.Г.* Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое описание совр. газет.жанров): Автореф. ... д.ф.н. – Москва, 1991.
2. *Лесков Н.С.* На ножах: Роман: в 6 ч. – Москва, 1994.
3. *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Сост. Гейзе, Рейфа и др.- Изд. 12. – Москва, 1898.
4. *Шелаева А.А.* Забытый роман//Лесков Н.С. На ножах. – Москва, 1994.